

Все мы вышли из Современника

Андрей ИЛЬИН стал первым артистом, которого Олег Табаков, принимая на себя художественное руководство МХАТом имени Чехова, пригласил влиться в состав прославленной труппы. Ильин это приглашение принял, несмотря на то что в течение одиннадцати лет оставался одним из ведущих актеров не менее популярного столичного Театра имени Моссовета, сыграл немало весьма заметных ролей. Правда, по-настоящему влиться именно в работающий состав мхатовской труппы Андрею еще предстоит. На сегодняшний день в его личном репертуаре всего одна роль, хотя и отличная, — король Людовик XIV в булгаковской “Кабале святош”, осуществленной Адольфом Шапиро. В первой версии этого спектакля королевский образ был доверен Иннокентию Смоктуновскому. Сегодня Ильиным и Шапиро найдены принципиально новые краски, иные формы, другое мироощущение персонажа. Через несколько дней артист выйдет на сцену в премьерном спектакле “Священный огонь” по пьесе Сомерсета Моэма, поставленном Светланой Враговой. Но начать разговор с Андреем Ильиным хотелось все-таки с вопроса о том, почему он решил на перемену “места жительства и творчества”?

— Я ушел из Театра имени Моссовета не потому, что мне там было плохо. Нет, ко мне замечательно относились, я был плотно занят в репертуаре. Кроме того, там работают профессионалы высокого класса, замечательные актеры, интересные режиссеры. Я провел в этом театре 11 лет и очень благодарен Павлу Хомскому, который в свое время протянул мне руку помощи, когда я, уйдя из Рижского театра, оказался между небом и землей. Это были насыщенные годы. Впрочем, я до сих пор играю в пяти спектаклях Театра имени Моссовета. Другое дело, что мне показалось — притупилась острота ощущений, появилась какая-то самоуспокоенность, инертность. А это меня всегда пугало.

— Почему Олег Табаков выбрал именно вас? Между вами раньше существовали какие-то творческие контакты?

— Табаков, как вы знаете, давно занимается актерской селекцией. Сегодня это, мне кажется, актуально вдвойне, потому что Чеховскому МХАТу нужны новые силы, новые имена, новая энергетика. А для актера участие в любом процессе обновления — это всегда надежда на определенные перемены, поиск. Что касается меня, то Табаков давно мне предлагал перейти в свой театр, я имею в виду Табакерку. Впервые это случилось еще в начале 90-х, когда он увидел меня в спектакле “Калигула”. Но тогда я вежливо отказался, потому что совсем недавно пришел в Театр имени Моссовета и негоже было сразу уходить. Метания из театра в театр зачастую бывают опасны. Но полтора года назад я вдруг подумал: как бы потом не было мучительно больно за отказ от новых творческих возможностей. И наконец принял приглашение Олега Павловича, о чем пока не пожалел ни одной секунды.

— Не ограничивает ли ваши новые возможности тот факт, что в течение целого сезона вы сыграли всего лишь одну роль?

— Да, одну, но какую! Мы очень долго и подробно делали этот спектакль, “Кабалу святош”. Знаете, у каждого режиссера свой подход к работе: кто-то вечно куда-то не успевает, Шапиро же никогда не торопится. И даже когда возникла не-

обходимость выпустить сначала спектакль “№13”, он пропустил Машкова вперед, а премьеру “Кабалы” отодвинулась на три месяца. Но в этом нет ничего страшного. МХАТ есть МХАТ. Он крепко стоит на ногах и может себе позволить даже в нынешних условиях работать над спектаклями долго и основательно. Я, кстати, не очень люблю параллельные репетиции над несколькими постановками. К тому же играл и играю в Театре имени Моссовета, в антрепризах, снимаюсь в кино.

— А как вам работается со Светланой Враговой над “Священным огнем”?

— Это психологический детектив, но с очень сложной палитрой взаимоотношений между персонажами. Поэтому Врагова львиную долю репетиций посвятила разбору внутренних линий будущего спектакля. Мы практически два месяца просидели за столом, и это был очень интересный период. Знаете, если о детективе можно говорить месяцами, значит, в нем что-то есть, помимо сюжетной интриги. Мы придумывали биографии нашим героям, вскрывали “чеховские” вторые и третьи планы. Вообще Сомерсет Моэм — удивительный писатель, достаточно сложный. В его пьесах есть и мистика, даже какая-то инфернальность, есть элемент предвидения. Что же касается моего героя — то это такой английский денди, семейный доктор и друг этой семьи, всегда желанный, с ним хорошо, весело и спокойно. Внешне сдержанный, как и положено настоящему англичанину, но изнутри его раздражают нешуточные страсти. Мне кажется, персонаж получается любопытным и неординарным.

— Андрей, на сегодняшний день по-прежнему актуальной остается проблема “свободного” существования актеров. Довольно многие расстаются с коллективами и уходят на вольные хлеба, причем очень этим гордятся. Вы же, играя на разных сценах, не спешите расстаться с театром — “домом”. Почему?

— Уйти из коллектива и обречь себя на “свободное плавание” — это в определенном смысле смелость, если не сказать мужество. Для этого нужно иметь как минимум имя,

А.Ильин

какую-то независимую базу, подкрепить себя агентом и хотя бы одной сильной работой, или быть востребованным в кино. Но уйти просто так, не имея за плечами всего вышеназванного, по-моему, очень опасное дело. А потом, это все-таки вопрос очень личный, ответ на который нужно искать даже не столько в творческой, сколько в человеческой природе артиста. Мне, например, никакой индивидуализм не присущ. Я не могу без коллектива, без ежедневного общения. Не люблю длительный и бестолковый отпуск с бездумным лежанием на пляже. Хотя в последнее время меня все чаще посещает мысль, что отдыхать все-таки надо. Но раньше ощущение, что ты выброшен на песок и никому не нужен, меня очень тревожило. Потом, понимаете, театр театру рознь. Можно сидеть годами и ждать непонятно чего, обслуживая плохих режиссеров. Такие эпизоды и у меня случались. Но сегодня, слава богу, наступили времена, когда мы можем позволить себе выбирать.

— И тем не менее вам никогда не хотелось как-то “подстегнуть” свою творческую судьбу, до-

биться постановки той пьесы, которая вам по душе, например, в антрепризе? Заняться режиссурой, наконец?

— Я считаю, что каждый должен заниматься своим делом. Я — актер, то есть в принципе человек ведомый. Между режиссурой и актерством — огромная дистанция. Этой профессией по-настоящему владеют очень немногие. Истинных режиссеров можно пересчитать по пальцам. Они обязаны обладать качествами лидеров. Такое не каждому по силам. И, честно говоря, работы у меня пока тоже хватает — и ролей, и предложений. Другое дело, повторю, что сейчас я могу выбирать. Нет, конечно, существует пара-тройка пьес, которые я надеюсь когда-нибудь сыграть. Пусть не сейчас, лет через 10–20. Нельзя же в самом деле, чтобы совсем ничего не хотелось. Это грустно, тогда надо бежать из театра подальше или сразу в гроб ложиться.

— Сегодня, к сожалению, наблюдается какое-то снижение, обывление искусства театра. Гамлет, Чацкий, Арбенин говорят на языке современной улицы и ведут себя соответственно. Как

вы, как человек театра, относитесь к этой тенденции?

— Я считаю, что спектакль только тогда приобретает некую художественность, когда отрывается от действительности и выходит в “космос”. Когда у его создателей есть возможность приподнять происходящее над всеми нами. Говоря о каждом человеке или о конкретной проблеме, стремиться к обобщению. При этом способ актерского существования может быть любым. Даже чересчур натуралистичным или спорящим со вкусовыми критериями. Все мы вышли из Современника, где актеры учились разговаривать нормальным человеческим языком. Кстати, до сих пор многие из нас не умеют этого делать, предпочитая какой-то псевдоромантический тон. Понимаете, язык может быть разным. Но в любом случае был нужно уметь вывести на художественный уровень. Это и есть предмет искусства.

— То есть для вас это принципиально?

— Для меня да. Понимаете, спектакль должен обязательно быть “о чем-то”. Не просто вышли на сцену актеры, доложили текст, зрители

посмеялись, похлопали, а потом вышли и забыли. На спектакле нужно думать. Даже если это комедия положений. Может быть, это старомодно звучит, но театр все равно воспитывает, формирует личность.

— Не кажется ли вам, что это некий актерский идеализм, мечта о театре, имеющая мало общего с его реальным сегодняшним содержанием. Львиная доля публики желает элементарно развлечься.

— Ну и пусть развлекается. Тут никаких догм быть не может. Люди разные: кто-то приходит в театр, чтобы просто посмеяться, а кому-то хочется сопереживать, сострадать. Но наша задача — не опуститься до среднего уровня, до низкопробных вещей. Наоборот, стоит попытаться увлечь публику в этот “космос” Софокла, Шекспира, Чехова, Булгакова.

— К сожалению, они не очень-то сегодня востребованы.

— Почему? Ведь на “Чайку” идут, на “Кабале святош” — полные залы. Публике интересно, если спектакль здорово сделан.

— А “№13” между тем просто обречен на успех.

— Ну и что? С комедиями всегда было легче, к тому же в этом спектакле все сошлось: любопытная пьеса, профессиональная режиссура, хорошие актерские работы. Кстати, сегодня общеизвестный факт, что никакой театр не выживет без финансовой подпитки со стороны зрителей. Даже, вероятно, и Московский Художественный. И для того чтобы поставить “Гамлета” или возобновить “Чайку”, учитывая запросы театральной политики, в репертуаре сначала должен появиться “№13”.

— И вы полагаете, что зритель потом автоматически пойдет и на “Гамлета”?

— Я не совсем об этом говорю. Коммерческие, но хорошо сделанные спектакли необходимы для того, чтобы мы имели возможность возвращаться к серьезным, философским проблемам. Мы, вероятно, должны быть немного впереди зрителя, на один день хотя бы. А в принципе, то, что волнует театр, должно интересовать и зрителя. И если на сцене плачут, публика тоже должна переживать. Это абсолютно взаимосвязанные вещи. Ведь мы, актеры, не глухие, не слепые, мы тоже чувствуем время. Хотя мне кажется, что сегодняшние люди плачут и смеются так же, как и во времена Шекспира, Чехова или Софокла.

— И как же вы чувствуете это время?

— Сейчас жизнь необычная, интересная. Мы сами не успеваем даже проследить за ее эволюцией. Жизнь уже давно убежала вперед, а мы где-то подотстали. Приходится нагонять. Или, наоборот, порой бежим впереди паровоза. Сейчас такая круговерть происходит. А о главном я уже сказал. Главное завоевание времени — это возможность выбора. Для всех, и для зрителей в том числе. Человек может сам решать, на что пойти, а от чего отвернуться. Никто нами не руководит, разве что Господь Бог.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ